

Спасович Владимир Данилович

За много лет 1859-1871

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Данилович С.**
За много лет 1859-1871 / Спасович Владимир Данилович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 673 с.

ISBN 978-5-519-75052-3

Статьи, отрывки, история, критика, полемика, судебные речи и прочее

ISBN 978-5-519-75052-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.	
Пятидесятилѣтіе Петербургскаго Университета	1
Отвѣтъ г. Юркевичу	45
I. Г. Лохвицкій и диффамация	57
II. Объясненія съ г. Лохвицкимъ по поводу диффамации	65
III. Рѣчь по дѣлу Ефимова и Аксакова	77
О смертной казни	87
Guohel de Coulanges, La cité antique	93
Уголовно-статистическіе этюды Н. Неклюдова	113
О третьемъ томѣ Исторіи Среднихъ Вѣковъ М. Стасюлевича	135
Разборъ 2 части Бурса Гражданскаго Права Е. Побѣдоносцева: о пра- вахъ семейственныхъ	145
Исторія польской литературы	163
1. Періодъ съ древнѣйшихъ временъ до 16 столѣтія	168
2. Золотой вѣкъ Сигизмундовъ	174
3. Періодъ іезуитско-монархическій	208
4. Періодъ Станислава Августа Понятовскаго	229
5. Періодъ Леленеля и Мицкевича	264
Георія взлома	305
Взглядъ на русскую литературу на ея главные органы и партіи въ концѣ 1858 года	317
Судебныя рѣчи. I. Дѣло о Павлѣ Гайдсбуровѣ, судимомъ за изданіе книжки Вундта: Душа человека и животныхъ	333
II. Дѣло о графѣ Праксіѣ Морковѣ	342
III. Дѣло о М. Стравинскомъ и А. Сомовѣ, судимыхъ за оскорбленіе мѣстныхъ властей Эстляндской губерніи	359
IV. Дѣло о Петрѣ Щоповѣ, судимомъ за изданіе Писемъ объ Англіи Лун Блана	364
V. Дѣло объ убійствѣ фонъ Зона	378

VI. Дѣло о порубкѣ въ лѣсахъ сестрорѣцкаго оружейнаго завода	386
VII. Дѣло о мировомъ судѣ Кирьякѣ судимомъ за превы- шеніе власти	407
VIII. Дѣло о государственномъ преступленіи такъ называе- мое Нечаевское. Рѣчь въ защиту А. Бузисцова . .	418
Рѣчь въ защиту П. Ткачсва	442
Рѣчь въ защиту Е. Томпловой	451
Новѣйшая Исторія Австріи	460

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(По поводу книги: Императорскій университетъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка, составленная по порученію Совета Университета, ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ исторіи Востока В. В. Григорьевымъ. С.-Петербургъ 1870).

I.

Съ давнихъ временъ существуетъ особенная отрасль литературы, которую можно назвать «юбилейною». Въ этой юбилейной литературѣ займешь видное мѣсто трудъ ординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи Востока г. Григорьева, недавно вышедшій въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Историческая записка» о первыхъ пятидесяти годахъ существованія с.-петербургскаго университета.

Извѣстно, что какъ въ гастрономическомъ отношеніи юбилейные обѣды не бывали никогда особенно вкусны и питательны, такъ и юбилейная литература, поэзія и проза, не бываетъ особенно интересна, а по природѣ своей и назначенію можетъ быть охарактеризована словами: скучно-тошная. Иною она и не бываетъ. На юбилей собираются люди, большею частію другъ другу чуждые, придиовать выѣстъ свои юностиныя воспоминанія, которыя у каждаго изъ нихъ совершенно различны. Еслибы каждый изъ нихъ исповѣдалъ пороки, чѣмъ онъ восторгается въ прошедшемъ, то вышла бы жесточайшая рознь и усобица, потому что соединились на одну минуту въ одну общую массу люди самыхъ противоположныхъ лагерей и направленій; слѣдовательно, единственная возможность того, чтобы праздникъ кончился благополучно съ подобающею ему торжественностью, заключается въ томъ, чтобы все присутствующіе спѣлись и тщательно избѣгали всякаго драматизма и всякихъ диссонансовъ, имисопо пѣли хвалебный гимнъ, безъ всякихъ уже заботъ о мѣрѣ хваленія, то есть о томъ, чтобы хваленіе соответствовало хвалимому предмету. Эфффектъ выходитъ въ декоративномъ отношеніи удивительный, когда свои личные воспоминанія можно поставить на облачныхъ вершинахъ какого-

побудь многовѣкового учрежденія: тогда историческія тѣни отъ этихъ вершинъ ложатся длинными грядками на маленькихъ живыхъ людей-мурашекъ, и можно заглядѣться на эти живописныя вершины и въ созерцаніи міровыхъ событій прошедшаго забыть о настоящемъ. Когда лейпцигскій университетъ, основанный въ 1409 г. будетъ праздновать свою пяти-сотлѣтнюю годовщину, ему придется вспомнить и Лютера съ реформаціею и Густава Адольфа съ 30-лѣтнею войною и Völkerschlacht и Tugendbund. Имена людей и событій имѣютъ силу магическую и вдохновеніе исходитъ само собою при ихъ произнесеніи. Но на образованію такой декорации подобно нѣсколько сотъ лѣтъ, въ пятьдесятъ же не возникаетъ ни пикъ альпійскій, ни египетская пирамида, и юбилейному историку приходится вооружиться увеличительнымъ стекломъ. Цифра одолеваетъ фантазію, статистика убиваетъ поэзію: у насъ въ числѣ присутствовавшихъ на актѣ были посчитавшіеи первого выпуска, а большинство собравшихся состояло изъ лицъ, которыхъ память охватывала большую половину существованія университета.

Петербургскій университетъ сдѣлалъ пока только нѣсколько шаговъ въ своемъ существованіи, и потому главная его заслуга можетъ заключаться пока въ томъ, что выпустилъ онъ въ свѣтъ съ дипломами 2,365 кандидатовъ, да 920 дѣйствительныхъ студентовъ, итого 3,285 человекъ; но изъ числа ихъ только трое, по словамъ г. Григорьева (с. 307) попали въ государственныя дѣятели высшаго порядка (одинъ министръ юстиціи К. И. Паленъ и два члена государственнаго совѣта А. Д. Гофманъ и баронъ А. Ф. Будбергъ), — фактъ прискорбный, о которомъ краснорѣчиво распространился въ элегическомъ тонѣ и профессоръ И. Е. Андреевскій на юбилейномъ обѣдѣ 8-го февраля 1869 года. Совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Григорьевъ, что питомцамъ университета болѣе жежели въ государственной службѣ посчастливилось въ наукѣ и искусствѣ, и есть два-три крупныя имени (Градовскій, И. С. Тургеневъ) и нѣсколько меньшихъ свѣтилъ, да и всѣ эти олимпійцы, за исключеніемъ одного Тургенева, почти невидимы на Западѣ Европы за предѣлами нашего, весьма, правда, обширнаго отечества. При такихъ условіяхъ понятно, что и памятникъ могъ быть созданъ не великій, скромный, безъ пьедестала.

Обыкновенно такіе памятники по способу вышней своей отдѣлки напоминаютъ у такихъ художниковъ, какъ г. Григорьевъ, манеру китайской живописи, и щеголяютъ богатствомъ мелочныхъ подробностей тончайшей работы, но не зачѣмъ искать въ нихъ и требовать отъ нихъ ни соблюденія законовъ перспективы, ни экспрессіи. Всѣ лица выходятъ одинаково плоскія, за то трава и кусты, коими одѣты дальшія горы, отдѣланы одинаково отчетливо, какъ люди и животныя, подвизающіеся на первомъ планѣ. Еслибы живъ до сихъ поръ маститый ректоръ, въ теченіе четверти столѣтій предсѣдательствовавшій съ неизмѣлвнымъ ему

никогда достоинством въ совѣтъ *almae matris*, то по всей вѣроятности ему бы и пришлось быть ея исторіографомъ, и исполнилъ бы онъ эту задачу съ тѣмъ тактомъ и умѣниемъ, которому отдастъ честь самъ Григорьевъ (237). На выполнение задачи труда сухого и неблагодарнаго требовалось много терпѣнья, мягкости и теплоты сердечной. П. А. Плетневъ воздалъ бы должное всякому, доказавъ хорошую его сторону, прохвачавъ о дурныхъ; физически умершихъ, онъ бы похвалилъ по правилу *de mortuis aut bene aut nihil*, политически для университета умершихъ, то есть выбывшихъ, онъ бы тоже похвалилъ по правилу: Богъ съ вами, не поминать васъ лихомъ! да и объ остающихся въ университетѣ не сказалъ бы дурного слова, потому что, значить, своя семья. Памятникъ, такимъ образомъ составленный, соответствовалъ бы, какъ цѣльзъ болѣе, цѣли своей, онъ былъ бы настоящимъ юбилейный памятникъ, стройный, гармоническій, хорошо отшлифованный. Единственный упрекъ, который можно бы ему сдѣлать — тотъ, что онъ даетъ слабое и неясное понятіе о судьбахъ университета, о внутренней его жизни и развитіи, но дѣлать подобный упрекъ значить требовать отъ предмета того, чего онъ дать не можетъ и къ чему онъ вовсе не предназначенъ. Юбилейная записка въ столь же малой степени можетъ изображать собою настоящую исторію университета, какъ надгробная надпись — замѣнить жизнеописаніе умершаго. Перепесемъ мысленно на кладбище и предположимъ, что на этомъ кладбищѣ похоронены всѣ люди извѣстнаго столѣтія съ подобающими на каждомъ гробѣ надписями, что покойный былъ прекрасный семьянинъ, христіанинъ, сапожникъ. Соберите всѣ надписи и попытайтесь построить изъ нихъ исторію столѣтія: окажется, что въ подобной работѣ не можетъ быть ни малѣйшаго проку.

II.

Выборъ совѣта по составленію записки палъ на г. Григорьева. Повидимому, г. Григорьевъ не только по своей учености, но и по времени вступленія въ университетъ, былъ человекъ самый способный для выполнения возложенной на него задачи; въ бурную эпоху университетскихъ смутъ 1861 г. онъ не принадлежалъ къ ученой корпораціи и сдѣлался членомъ ея только тогда, когда университетъ дѣйствовалъ обновленный и преобразованный на основаніи новаго устава 1863 г.; значить, онъ стоялъ внѣ всякихъ университетскихъ партій и къ событіямъ 1861 г. могъ относиться вполне объективно и, безъ всякаго надъ собою усилія, безпристрастно. Онъ мало былъ знакомъ, правда, съ трудомъ и преподаваніемъ отдѣльных членовъ университетскаго сословія, но недостающее легко было пополнить изъ подлинныхъ дѣлъ университета, изъ журналовъ, законовъ изъ устнаго преданія отъ сотоварищей, изъ книгъ чет-

перо образопали по порученію совѣта юбилейную комисію и участвовали, если не въ самомъ написаніи записки, то въ отвѣтственности за ея содержаніе (Срезневскій, Сухомлиновъ, Совѣтовъ и Чебышевъ—Дмитріевъ, см. 611 примѣчаніе къ запискѣ). Трудъ шелъ медленно, матеріалъ обрабатывался исподполъ и составленіе записки выѣтъ съ печатаніемъ заняли два года (съ апрѣля 1868 по мартъ 1870 года). По его размѣрамъ и плану видно, что авторъ тяготился узкостью юбилейной задачи, и отступая нѣкоторымъ образомъ отъ пріемовъ, освещенныхъ обязательствамъ въ подобнаго рода работахъ, рѣшился затронуть внутреннюю жизнь университета, коснуться жгучихъ вопросовъ о причинахъ университетскихъ безпорядковъ и неустройствъ, которые проявились не только въ с.-петербургскомъ, но и въ другихъ университетахъ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ,—и представить такимъ образомъ нѣчто въ родѣ опыта прагматической исторіи того учрежденія, которое столь дорого сердцу каждаго его питомца. Конечно, мы далеки отъ всякой мысли попрекать составителя записки за такую смѣлость. Мы помнимъ, что *in magnis voluisse sat est!* Мы скорѣе готовы думать, что ему бы надо было еще смѣлѣе и, отказавшись отъ юбилейнаго пошиба и отъ китайской живописи, не на сорока листахъ, а на ста, можетъ быть, страницахъ изобразить главнѣйшіе моменты жизни университета по убѣжденіямъ автора, вслѣдствіе чего однимъ произведеніемъ изящнаго искусства для искусства стало бы меньше, но литература обогатилась бы однимъ серьезнымъ изслѣдованіемъ. Китайской живописи много у г. Григорьева, больше, чѣмъ бы слѣдовало, и рядомъ съ нею есть сужденія о лицахъ, въ которыхъ авторъ лично былъ расположенъ или нерасположенъ; есть также и поспѣшная оцѣнка внутреннихъ въ микрокосмѣ университетскомъ переворотовъ. И не знатокъ китайской живописи, по прежде перехода къ предметамъ болѣе существеннымъ, не могу обойтись безъ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣчаній объ этой части труда г. Григорьева. Я полагаю, что и въ такой кропотливой мелочной работѣ надо придерживаться всѣхъ явленій, достигающихъ нѣкоторой величины. Даже и въ юбилейномъ трудѣ едва ли интересно прочесть, что въ 1867 г. проф. Чебышевъ помѣстивъ въ бюллетенѣ Ак. Н. „объ одномъ арифметическомъ вопросѣ“, а въ 1869 г. „объ одномъ механизмѣ“ (397); что проф. Срезневскій отпечаталъ 1863 г. статью „Нѣптерень XVII столѣтія“ и „Византійскій ковчегъ“ (411); что проф. Благовѣщенскій тиснулъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ статейку: „О нѣкоторыхъ мѣрахъ для развитія и поддержки ученой жизни въ университетахъ“, и въ „Голосѣ“ статейку: „Къ вопросу о губернскихъ художественныхъ музеяхъ“ (408); что доцентъ Ламаевскій печаталъ «О пѣвецкомъ человѣкѣ въ Россіи» — переводъ изъ *Gartenlaube* (412), причемъ въ запискѣ г. Григорьева этотъ же пѣвецкій человѣкъ, т.-е. лекторъ Мейеръ, оцѣнился, на слѣдующей страницѣ 413, съ отнѣткою, что опъ ро-

дактирует *S.-Petersburger Zeitung*, но ужь безъ всякаго замѣчанія на счетъ знаменитой кобылы графа Бисмарка. Я полагаю, что можно было бы безъ всякаго ущерба и для современниковъ и для потомства исключить также мелкія, полемическія статьи, некрологи и рецензіи, которыя по роду своихъ заплѣтъ и обязанности службъ пишутъ профессора о выходящихъ въ свѣтъ, каждый по его спеціальному предмету, сочиненіяхъ (еще бы они этихъ рецензій не писали, чѣмъ же бы, спрашивается, занимались господа оффіціальные представители науки?).

Излишекъ копечію не бѣда; когда составляется опись какому-нибудь имуществу, то записывается въ нее всякая трляпка и всякій гвоздикъ; отъ описи требуется только полнота и точность, по л и этихъ достоинствъ описи не могу вполне признать за запиской; есть въ ней счастливцы, которымъ все досталось, и есть такіе, которые видимо обдѣлены. — При обзорѣ литературной дѣятельности, напр., К. Д. Кавелина, пропущена большая часть его трудовъ (с. 158), а между тѣмъ дѣло предстояло не великое, подлежало перепечатать только оглавленіе собранія его сочиненій, вышедшаго въ четырехъ томахъ въ Москвѣ въ 1859 году, но и объ этомъ изданіи не упомянуто, причѣмъ оправдалась вполне пословица: *les absents ont tort*. Еще болѣе печальная участь постигла Б. И. Утина ¹⁾. «Изъ дѣлъ университета не видно, говоритъ записка, ни какъ взялся за преподаваніе г. Утинъ по каедрѣ ему порученной ²⁾ ни какими пособіями руководствовался онъ при преподаваніи» (стр. 168); точно г. Утинъ жилъ за сто лѣтъ, точно въ факультетѣ не сохранилось программъ, представляемыхъ каждымъ преподавателемъ, точно между товарищами по преподаванію не нашлось никого, кто бы передалъ о характерѣ преподаванія, которое посвящено было одному изъ важнѣйшихъ предметовъ юридическаго курса и обнимало собою сравнительную исторію политическихъ и въ особенности судебныхъ учреждений, начиная съ древности и до новѣйшихъ временъ. Г. Григорьеву стоило бы только обратиться, напримѣръ, къ проф. Андреевскому, и г. Андреевскій со

¹⁾ Къ прил. 318, дающему заглавія только двухъ статей Утина, слѣдовало бы между прочимъ прибавить слѣдующія: Англійская юридическая литература, «Журн. Минист. Юстиціи» 1861 г.; Муниципальныя учрежденія, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1864 г. Государственный бытъ Англіи въ «Отч. Зак.» 1862 г., за выг.; тамъ же, за полб.; Судебная реформа; разборы сочиненій Градовскаго и о. Горчакова въ «Вѣстникѣ Европы». — Въ 1866 г. изданъ Утинымъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ переводъ книги барона Гакетгаузена «О конституціонномъ началѣ». Все это упомянуто, а «Византийскій конспектъ» г. Срезневскаго не забытъ.

²⁾ Между тѣмъ вся эта выходка составителей «Записки» уничтожается вступительною лекціей г. Утина, напечатанною въ январской книгѣ «От. Зак.» на 1860 г.; тамъ указаны и методъ преподаванія, и пособія; а еще болѣе это сдѣлано въ статьѣ г. Утина: «О значеніи каедры иностранныхъ законодательствъ для русскихъ университетовъ», помѣщенной въ приложеніи къ журналу ученаго комитета минист. нар. просвѣщенія, 1862 г., вѣроятно, по безизвѣстнымъ составителямъ «Записки».

своей собственною ему предупредительностью сообщать бы ему и о спорахъ, которые породило въ факультетѣ учрежденіе новой кафедры сравнительной исторіи законодательства и о разныхъ мнѣніяхъ о пользѣ этой кафедры, и о занискахъ, которыя подавались по этому предмету министерству, и о томъ, что кафедра, открытая впервые въ С.-Петербургѣ, введена по уставу 1863 г. и въ другіе университеты, такъ что тотъ же самый предметъ преподавалъ г. Дмитріевъ въ Москвѣ и г. Стояновъ въ Харьковѣ. — На стр. 86 упомянуто, что въ 1828 году профессорамъ университета объявлена благодарность министерства народного просвѣщенія за хорошій результатъ испытанія въ наукахъ шестерыхъ воспитанниковъ, которыхъ предполагалось отправить за границу. «Университетъ не долженъ забывать именъ воспитанниковъ своихъ, которые принесли ему такую честь». Я вполне согласенъ, что имена этихъ воспитанниковъ достойны перейти въ исторію, но я полагаю, что не меньшую, но крайнюю мѣру, честь принесъ университету И. С. Тургеневъ, тѣмъ, что онъ въ этомъ университетѣ воспитывался, между тѣмъ ему не посвящено ни полстрочки; да и Грановскій заслуживалъ, мнѣ кажется, больше, чѣмъ сухого извѣстія о немъ, что былъ-моль такой человекъ, учился и отправленъ на казенный счетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ (105), а потомъ въ Москвѣ пользовался большою популярностью и въ университетѣ и въ городѣ (прил. 208). Г. Григорьевъ нашелъ же возможнымъ посвятить цѣлыя двѣ страницы текста только тому, кого слушалъ за границею и у кого учился профессоръ о. Полищевъ (134, 135). Если о Тургеневѣ вѣтъ помину, если Грановскому отведенъ укромный уголокъ, то печего и удивляться пропуску имени кончившаго въ 1842 г. курсъ наукъ въ университетѣ Юліана Бартошевича, лучшаго знатока въ наше время польской старины и замѣчательнѣйшаго по смерти Шнейхохи польскаго историка, съ которымъ г. Григорьевъ не могъ не быть знакомъ, хотя бы по той «Encyklopedia powszechna», на которую г. Григорьевъ поспешно ссылается, и въ издавіи которой г. Бартошевичъ участвовалъ. Г. Григорьевъ ставитъ въ особенную заслугу К. И. Лапачскому его участіе въ осуществленіи „славянскаго съѣзда“ въ Москвѣ. Я полагаю, что какъ нельзя болѣе полезное сближеніе славянскихъ народностей подвигается и скрѣпляется не столько тостами и застольными спичами, сколько основательнымъ знакомствомъ съ результатами умственной дѣятельности разныхъ народностей, что починъ въ этомъ дѣлѣ должны давать ученые и что успѣхъ славянскаго идеала зависитъ въ гораздо меньшей степени отъ славянскихъ братствъ и комитетовъ, сколько отъ сознательнаго проведенія каждымъ изъ снодвинниковъ славянства великаго начала: *Slavus sum, nihil slavici a me alienum puto*.

Въ запискѣ попадаются не только недосмотры, но и положительные ошибки. Нелегко догадаться напримѣръ на с. CV, что Маріанъ Кра-

силыниковъ есть одно и тоже лицо съ получившимъ въ 1859 г. серебряную медаль па с. LVI Марианомъ Красовскимъ, но что настоящая фамилія этого лица не Красовскій и не Красильниковъ, а Марианъ Красовскій, пишѣ профессоръ въ Технологическомъ институтѣ. Существенный недостатокъ записки при группировкѣ свѣдѣній заключается еще въ томъ, что свѣдѣнія почерпнулись не критически, не изъ надлежащихъ источниковъ. Когда авторъ записки объ университетѣ ссылается при изображеніи дѣятельности профессора Коссовича на свою записку о Коссовичѣ (прил. 417), то некому понятно, что эта записка есть вѣчто производное и что первоначальный матеріалъ доставленъ былъ автору самимъ же Коссовичемъ. Также точно, когда авторъ при изображеніи своей собственной дѣятельности и заслугъ ссылается на записку о немъ, авторѣ, профессора Коссовича въ „Журн. Мип. Народн. Просв.“ за 1868 г., на статью „Григорьевъ“ въ энциклопедическомъ лексиконѣ Старченскаго, и на статью Grigorjew въ „Encyklopedja powszechna“, то становится въ недоумѣніе, въ чемъ основаніе достовѣрности свѣдѣній о жизни и дѣятельности г. Григорьева, въ томъ ли, что объ немъ писали, можетъ быть неудовлетворительно и ошибочно, составители статей въ лексиконѣ Старченскаго и въ Encyklopedja, или въ томъ, что вписалъ эти свѣдѣнія въ записку собственною рукою самъ г. Григорьевъ, который знаетъ о г. Григорьевѣ больше и основательнѣе, нежели какаа бы то ни была статья, въ какомъ бы то ни было словарѣ. Заимствованіе свѣдѣній не критическое, не изъ надлежащихъ источниковъ можетъ имѣть иногда забавныя послѣдствія. На стр. 167, сказано о Ромуальдѣ Губе, что памятникомъ запятій по II отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи осталось для Россіи дѣйствующее въ ней *Уголовное уложеніе*. Едва ли кто изъ юристовъ-практиковъ, если онъ не слыхалъ про Губе, догадается, что подъ названнымъ въ запискѣ памятникомъ разумѣется просто-на-просто Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г., которое никогда въ нашей юридической литературѣ не называется „Уголовнымъ Уложеніемъ“, названо же оно такимъ образомъ потому, что, какъ видно изъ цитаты 315, свѣдѣнія о Губе взяты цѣликомъ изъ *Encyklopedja powszechna*, въ которой уложение о наказаніяхъ названо *Kodeks karny*, что и перевелъ г. Григорьевъ дословно: уголовное уложеніе.

III.

Мелочи приведены мною единственно съ цѣлью указать, что даже механическая сторона труда въ составленіи записки далеко не можетъ считаться безукоризненною и аккуратною. Перехожу теперь къ предмету, который несравненно важнѣе и интереснѣе, къ сужденіямъ г. Гри-

горьона о лицахъ и событіяхъ. Во избѣжаніе всякаго подозрѣнія въ пристрастіи, натяжкахъ, искаженіи содержанія записки, я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ, которыя, по моему мнѣнію, могутъ дать нѣкоторое поштіе о личности и взглядахъ автора.

Стр. 107. Студенты начала тридцатыхъ годовъ выходили изъ университета съ несравненно болѣе чистыми понятіями и гораздо благороднѣйшими стремленіями, чѣмъ тѣ, какія были нѣтъ впущены подъ домашнимъ кровомъ. О тѣхъ же студентахъ на стр. 103: Треуголки, пинаги, ботфорты дерптскихъ студентовъ служили постояннымъ предметомъ зависти; а на стр. 104: Студенты оставляли университетъ съ весьма малымъ запасомъ свѣдѣній и еще меньшею любовью къ наукѣ.

С. 88. На кафедрѣ философіи вступилъ человѣкъ многосторонне образованный, именно такой, какой былъ нуженъ университету—А. А. Фишеръ, не берлинскій, а вѣпскій философъ, знакомявшій слушателей по Канту съ философіею, не ошумивая головы. На страницѣ же 138, тотъ же Фишеръ, безъ упрековъ какой бы то ни было перемены въ направленіи, является поборникомъ подчиненія мысли, считающимъ умъ не болѣе, какъ за мѣрило отрицательное, признающее свое незнаніе.

Стр. 108. Авторъ записки признаетъ мѣрою безусловно благотельною для университета освобожденіе университетовъ отъ задрѣдыванія дѣлами учебнаго округа по уставу 1835 г., дававшее профессорамъ болѣе времени для ихъ ученыхъ занятій. Стр. 185 авторъ сожалеетъ объ упраздненіи въ 1850 г. казеннокоштныхъ воспитанниковъ и о столь же напрасномъ упраздненіи въ 1858 г. Главнаго педагогическаго института. Введенію въ университетъ преподаванія строеваго устава, артиллеріи и фортификаціи авторъ записки объясняетъ (122) тѣмъ, что многіе воспитанники гражданскихъ учебныхъ заведеній поступили въ ряды защитниковъ отечества и успѣли уже отчасти отличиться, что хронологически неутѣрно, такъ какъ открытъ преподаваніе посылѣно еще въ 1854 г., то есть въ самомъ началѣ восточной войны, когда еще никто не могъ отличиться. Авторъ отзывается дурно о весьма немногихъ изъ бывшихъ своихъ учителей или товарищей, о двухъ, трехъ не болѣе: о протоіерей Радковскомъ (132), о Касторскомъ (219) и о Грефе (прим. 120). Въ числѣ тѣхъ, которымъ на долю достались одни похвалы, на недостигаемой высотѣ поставленъ Сенковский (74, 250). „дивный“, „несравненный“ профессоръ, спеціальный человѣкъ, который способенъ былъ бы произнести въ арабской и оттоманской литературѣ точно такой же переворотъ, какой онъ произвелъ въ русской,—живая энциклопедія науки о Востоку. Авторъ записки преподноситъ Сенковского не только какъ оріенталиста, но и за его государственныя услуги по польскому вопросу—тѣ самыя услуги, за которыя онъ прослылъ ренегатомъ между своими соотечественниками. Перломъ, валяющимся въ сорѣ, считаетъ авторъ мысль Сенковского, что польское дворянство